

*ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ*

15

**КУРСАНТ
ЦИМТЕРИИ**

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 15

<https://litres.ru/74075529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты.

P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Курсант Империи - 15

Глава 1

Первая мысль в моей шумящей голове прозвучала почти оптимистично: раз так больно — значит, живой.

Я открыл глаза. Серый потолок диспетчерской, мигающий аварийный плафон, выдранные из стойки жгуты проводки — мой автограф, оставленный, судя по размаху, не рукой, а всем корпусом. Я полежал, разглядывая это, как разглядывают обстановку наутро после крайне неудачного решения, и попробовал вспомнить, почему лежу, а не дерусь. Последнее, что осталось в памяти, — передо мной улыбающегося Бульдога, его перчатка плывёт мне в лицо неторопливо, почти ласково. Дальше — качественный сон без сновидений, из которого я, выходит, только что вышел.

— Александр Иванович, — позвал кто-то сверху, тоненько и очень настойчиво. — Миленький, ну очнитесь же. Моргните, если живой. Пожалуйста.

Надо мной, стоя на коленях, нависал Викентий Павлович — без очков, отчего глаза, обычно прятавшиеся за стёклами, сделались огромными и беззащитными. Белый, мокрый и до неприличия счастливый — тем особым счастьем человека, который только что твёрдо знал, что умрёт, и вдруг с удивлением выяснил, что нет. В обеих руках он сжимал блестя-

щую металлическую штучку, очень мне за последнее время знакомую.

— Моргаю, — сипло отозвался я. — Видите? Уже два раза. Для надёжности.

— Вижу! — Он чуть не подпрыгнул. — Слава тебе Господи. Я уж думал, он вас совсем...

— Кто — он?

Я скривился и повернул голову. Осторожно: затылок при повороте честно пообещал отвалиться.

В полуметре от меня, уткнувшись щекой в холодный пол, во весь свой немалый рост раскинулся наш Бульдог. Гроза сектора. Человек, чьё имя произносили вполголоса. Шлем валялся рядом с моим, рот приоткрыт, и из этого рта исходил мирный, обстоятельный, домашний храп — с присвистом, с тем сытым похрюкиванием, какое бывает у пожилых дядюшек после праздничного стола.

Я смотрел на это секунд пять. Картина упрямо не складывалась во что-нибудь осмысленное.

— Викентий Павлович, — произнёс я наконец очень спокойно, потому что, когда совсем ничего не понимаешь, спокойствие — единственное, что у тебя остаётся. — Почему он спит?

Директор посмотрел на штучку в руках.

— Я... это... — Он сглотнул. — Я, кажется, его усыпил.

Чтобы оценить всю прелесть момента, придётся отмотать минуты на полторы назад — туда, где меня в этой истории

ещё не было, поскольку я пребывал в уже упомянутой чёрной яме. Всё дальнейшее я знаю со слов самого Викентия, который потом пересказывал это раз сорок, всякий раз чуть иначе, но в главном не соврал ни разу.

В общем, дело было так.

Уложив вашего покорного слугу одним ударом, Бульдог добивать меня не стал. Видимо, я был нужен ему живым. Соответственно, вырубив меня, он сделал единственное, чего матёрому зверю делать категорически нельзя.

Он расслабился.

Откинул забрало со вкусом, как откидывает крышку любимой табакерки человек, дождавшийся заслуженного перекура. Затем, и вовсе снял неудобный шлем, наклонился убедиться, что наглый мальчишка дышит, и при этом ещё и ехидно улыбался. Победителю можно. Победитель имеет право заглянуть в лицо своей победе.

Именно тогда Викентий Павлович, до этого забившийся в угол у дальней панели и честно сидевший там, куда я его посадил, осознал две вещи.

Первая: до затылка склонившегося Бульдога — пару шагов.

Вторая: на столе перед ним лежит иньектор. Тот самый, которым час назад Асклепия — наш медицинский андроид с повадками заботливой матушки раздавала бандитам-охранникам дозы успокоительного. Каким образом она забыла его здесь — непонятно, но это оказалось очень кстати.

Викентий не помнил, как сделал эти два шага. Помнил только, как вогнал иньектор в бычью шею и давил не просто до щелчка, а до дна.

Бульдог хлопнул себя по шее, как хлопают комара. Обернулся с искренним, почти детским недоумением, посмотрел на щуплого мужчину, который зачем-то стоит перед ним с пустым шприцем в дрожащей руке.

— Ты чего это, Викеша? — только и успел он пробормотать.

Доза, вернее — дозы сделали свою работу. Самым страшным, по словам Викентия, было то, что Бульдог успел подняться: махина в гвардейской броне встала во весь рост, качнулась, шагнула к директору — тот зажмурился, мысленно простившись разом с женой, столицей и жизнью, — а потом криминальный авторитет заплетающимся, удивлённым голосом сказал:

— Что-то я... притомился, ребя... — и сложился.

Не упал, а именно сложился, как надувной аттракцион, из которого выдернули шланг. Колени подломились, броня лязгнула о палубу, и через три секунды опаснейший человек на «Сто первом километре» уже сладко сопел, уткнувшись щекой в металл.

Такова официальная версия. Я склонен ей верить. Во-первых, такое не выдумаешь при всём желании. Во-вторых, Бульдог в эту минуту храпел так убедительно, что спорить было бессмысленно.

— Викентий Павлович, — вы мой герой, — сказал я, кое-как садясь и придерживая раскалывающуюся голову перчаткой, чтобы она не укатилась под пульт.

Он посмотрел на пустой иньектор, который всё ещё сжимал в кулаке, и подбородок у него мелко задрожал.

— Я превысил дозировку, — выговорил он убитым голосом. — Это же... это, наверное, незаконно. Я ведь могу его так и насмерть...

— Викентий Павлович.

— Что?

— Угрызениями совести займётесь потом. Дома, в спокойной обстановке. А сейчас — выдохните. Вы всё сделали правильно. А за этого, — я кивнул в сторону храпящего, — не беспокойтесь — я под такой дозой уже бывал...

Он шмыгнул носом и утёрся рукавом — обстоятельно, обеими сторонами ладони, как ребёнок, которому велели прекратить реветь. В этом жесте было столько от того перепуганного человечка, которого я недавно тащил сюда подмышкой, и одновременно от человека, только что сделавшего невозможное, что мне захотелось его обнять. В броне я рисковать не стал — переломаю. Просто похлопал по плечу со всей нежностью, с какой глядят котёнка кувалдой.

Я встал и огляделся. Картина радовала глаз. Четверо телохранителей Бульдога валялись по диспетчерской в живописных позах глубокого отдыха, ещё двоих я в горячке боя отправил в разбитое окно, и совесть моя хранила по этому

поводу благородное молчание. А в центре композиции, как вишенка на торте, посапывал их хозяин.

Мы победили. Я позволил себе ровно секунду, чтобы в это поверить.

Ровно через секунду снаружи загрохотали шаги. Много шагов. Тяжёлых.

— Ой, — сказал Викентий Павлович.

«Ой» было сформулировано на редкость точно...

Чуть ранее во время, когда я дрался в диспетчерской, внизу, на пирсе, среди дыма, опрокинутых ящиков и стонущих по углам обожжённых тел, стоял немолодой человек с густой седой шевелюрой и пытался понять, в какую именно минуту его день превратился в катастрофу.

Седой был неглуп и осторожен — два качества, которые в его ремесле либо ходят парой, либо не встречаются вовсе: неосторожные до седины попросту не доживают. По плану всё должно было пройти буднично — прилететь на тихую заправку, забрать зарвавшегося наследника, наказать виноватых, закрыть пару строчек в отчёте и улететь. Грязь, но рутина. Вместо этого в данную минуту станция была завалена десятками своих же — обожжённых, оглушённых, спрессованных в ловушках, а то и унесённых в пустоту, ребят.

Была и ещё одна деталь, которую Седой, в отличие от прочих, держал в уме с самого подлёта. По старой привычке он навёл справки о Василькове, то есть обо мне, — и справки ему очень не понравились. «Имперские Самоцве-

ты». Не банда, не артель контрабандистов. Корпорация. Одна из крупнейших в Империи. А мальчишка, которого тут весело собрались потрошить, — её прямой и единственный наследник.

Лезть в драку с уличной шпаной — это норм. Лезть в драку с корпорацией — вдумчивое, обстоятельное самоубийство, растянутое на всю оставшуюся жизнь и жизни всех, кто рядом. Седой это понимал. Бульдог — нет. Точнее, понимать не желал: был упрям и привык, что всё ему сходит с рук.

— Седой! — гаркнул сбоку молодой, дёрганный, из тех, у кого храбрость обратно пропорциональна пониманию обстановки. — Чё стоим?! Наших крошат! Босс-то где?!

Седой собрался ответить что-нибудь веское и матерное — и поднял глаза к диспетчерской башне. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как из её разбитого панорамного окна, нелепо растопырив руки, вылетает человек в дорогой броне, переворачивается в пустоте и с лязгом, от которого даже отсюда заломило зубы, обрушивается на штабель контейнеров двумя ярусами ниже. А следом, через секунду, точно так же — второй.

— Это что, наши? — севшим голосом спросил дёрганный.
— Это ж личка босса... Кто их так?

— Угадай, — хмыкнул Седой.

По всему выходило, что мальчишка-наследник, которого собирались взять тёпленьким — в одиночку выкидывает телохранителей Бульдога в окно, как нашкодивших котов. А,

где-то там, наверху, сейчас и сам Бульдог.

Решение Седой принял за полсекунды — не от храбрости, а как раз от осторожности. Мёртвый хозяин — это безначалие, паника и кровавая каша, в которой первыми режут именно таких рассудительных. Живой хозяин, пусть трижды дурак, — это хоть какой-то порядок.

— За мной, — бросил он. — Все, кто на ногах. В башню. Живо.

И повёл наверх два десятка уцелевших — злых, обожжённых, плохо соображающих, но всё ещё вооружённых и опасных парней...

Когда тяжёлая пневмодверь диспетчерской наконец поддалась — Викентий ли в суматохе снял блокировку, сорвали ли её снаружи, история умалчивает, — в башню ввалилась толпа злых, дымящихся, с оружием наперевес бандосов. И что они увидели посреди разгрома?

Возвращаемся в настоящее время.

Я к этому времени уже стоял пошатываясь, без шлема, с расквашенной губой, в броне, которая держалась, по-моему, на одном моём упрямстве. И загоразживал собой Викентия — потому что больше было нечем.

Честно скажу: я попытался драться. Глупо и безнадёжно — «двухсотый» выжал из себя всё ещё на шестёрке телохранителей, аккумуляторы дышали на ладан, а в голове после знакомства с перчаткой Бульдога звенело так, что я с трудом отличал верх от низа. Но когда в дверь лезут два десятка че-

ловек, желающих тебя убить, а за спиной — щуплый директор, у которого в столице жена, шансы не считают. Просто бьют того, кто ближе.

Первого я достал хорошо — он отлетел в проём, сбив ещё двоих. Второго перехватил и швырнул в пульт. Третьего уже не успел.

Они навалились скопом, как валят зверя. На мне повисло сразу четверо, потом пятеро; кто-то подсёк под колено, кто-то набросил на запястья магнитные браслеты — и руки, минуту назад ломавшие чужую броню, разом стали бесполезным железом. Меня уронили на колени и придержали. Рядом, тоненько пискнув, уронили Викентия — его удерживать не пришлось, он и не думал сопротивляться, только смотрел на меня огромными глазами и беззвучно шевелил губами. Опять молился. Дело хорошее. Капеллан бы одобрил.

Вот и весь мой блестящий план — полетел к чертям. Пол-минуты — и я на коленях, в браслетах, с разбитой мордой. Как сказал бы наш Толик — временно занял невыгодный рубеж.

Надо мной встал тот самый человек в простой куртке поверх лёгкого жилета — тот, что в начале заварухи на пирсе, столкнувшись со мной в дыму, вместо выстрела очень медленно поднял обе руки ладонями вперёд и дал мне пройти. Тогда мы разошлись без слов, и я не понял почему. Сейчас, кажется, начинал понимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.